

В молодости, естественно, я увлекался романтическими «Белыми ночами». Позже страшным в своей реальности фантомом предстали «Бесы», в которых так много предсказано искривлений человеческой души и опустошающих «теорий», ставших жестокой опасностью для мира в периоды фашизма и распространения за рубежом различного рода человеконенавистнических, левоэкстремистских идей.

И все же самое ценное у Достоевского — это лейтмотив совести, упорный и неистребимый, звучащий глубоко внутри всей ткани каждого его произведения, в глубине души многих героев — страдающих, мятущихся, борющихся, ищущих правду. Эта высокоправдивая тема справедливости, неподдельного сочувствия и сострадания, но также и гордости за человека, за силу и широту его души — вот что особенно вдохновляет читателя его книг. В книгах этих нет «учительства», дидактики от автора, философский диалог ведется через прямую речь и внутренние монологи героев разных и отнюдь не «голубых». Так что и читателю приходится включаться в этот жгучий спор о самых животрепещущих проблемах человеческой жизни. Достоевский никогда не «вещает», не принимает позы пророка, его язык беспокойен и сложен, как сама жизнь, как сама истина.

Вот почему, как мне представляется, вникать в произведения Достоевского так трудно и так необходимо.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ТЕКСТЫ ДОСТОЕВСКОГО

«БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ». ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ (Публикация Т. И. Орнатской)

«1»

— Я сама хочу спать — того нужнее.
— Зачем писем не распечатываете.

Ив<ан> Федорович. Вот мое мнение о христианстве.
Алеша: И ты тоже.

Ложесна разверз.

Очень не буду тужить.
Не хочу ни за что тужить

«2»

Души проклинаящие бога
Портрет вековечный
Tu es un riche

«3»

Необыкновенное свойство не хотеть ждать

Он тоже с низкими целями приходил. О [все] они, все они таковы, все до единого

А коль никакого обмана не будет, то и еще 40 тысяч донесу

Чрезвычайная важность каждой новой строки или наброска, отражающих ту или иную стадию работы над «Братьями Карамазовыми», объясняется незначительным (по сравнению с другими романами) количеством известных на сегодняшний день рукописных текстов этого романа. Публикуемые выше впервые наброски не меняют общей картины, предложенной в 15-м томе академического издания, творческой истории романа, а лишь в какой-то мере дополняют ее, подтверждая тот вывод, что почти все они нашли отражение в окончательном тексте романа и, как правило, предшествовали переходу к последовательному связному повествованию (15, 413, 605).

Первый набросок (1) состоит из четырех записей. Он относится ко второй части романа — к различным главам четвертой и пятой книг. Датируется концом ноября 1878 г. (он сделан на конверте письма В. С. Соловьева к Достоевскому от 26 ноября 1878 г. — ГБЛ, ф. 93, П.8.12 об.), что несколько расширяет ранее обозначенные рамки работы над этой частью романа (см.: 15, 421).

Первая строка отразилась в конце главы IV «У Хохлаковых» влизи четвертой «Надрывы», в сцене Алеши, Лизы и госпожи Хохлаковой («А я спать хочу, я всю ночь не спала ∞ А ведь в самом деле она, может быть, при вас спать захотела» — 14, 168—169), вторая — в главе I «Сговор» книги пятой «Pro и contra», в сцене Лизы и Алеши («...и знайте еще, что я все письма ваши буду распечатывать...» — 14, 200). Две следующие строки — диалог Ивана и Алеши — реализовались в главе III «Братья знакомятся» той же книги (14, 213—241). Фраза «ложесна разсере» вложена в уста Смердякова, повторяющего «библейзм» Григория («П. Смердяков с гитарой» — 14, 204); в исполняемый Смердяковым «романс» вошли и несколько измененные заключительные фразы наброска (14, 206).

Следующий набросок (2) соотносится с книгой шестой «Русский иннок»; обнаруживается он в главе III «Из бесед и поучений старца Зосимы» и датируется концом апреля 1879 г. (по местонахождению на странице газеты «Новое время» за 21 апреля 1879 г. — ГБЛ, ф. 93.1.3.65), что также расширяет хронологические рамки работы над шестой книгой (ср.: 15, 425). Набросок состоит всего из трех фраз: «Души проклинающие бога», «Портрет вековечный» и «Tu es un riche». При этом они, в отличие от приведенных выше, не являются «заготовками» будущих фраз или диалогов. Это скорее всего темы будущей главы. В самом деле, первая фраза переросла в целое «мистическое рассуждение» старца Зосимы «О аде и адском огне...» (15, 292—293); вторая отразилась в первоначальных набросках в главе «Великий инквизитор» (15, 231: «А потому прими бога, тем более что это вековечный старый божестька и его не решишь...»).

Со второй частью романа соотносится и третий набросок (3) из трех записей, содержащийся на конверте письма В. Ф. Пудыковича Достоевскому от 9 марта 1879 г. (ИРЛИ, ф. 100, № 29828).²

В отличие от предыдущих отрывков эти наброски не отразились в окончательном тексте романа, хотя и по времени написания (на ближайшем письме Пудыковича от 23 мая (4 июля) 1879 г. есть еще набросок к «Братьям Карамазовым») и по тональности они явно связаны с ним (кстати, ведь и не все известные черновые рукописи романа нашли отражение в дефинитивном тексте). Лишь последняя фраза соотносится с одним из черновых отрывков (тоже не отразившимся в окончательном тексте), в котором речь идет «об 40 000 отцовских денег» (15, 230).

В заключение остановимся еще на двух набросках, являющихся непосредственными «заготовками» к роману.

Первый из них ошибочно опубликован в разделе «Наброски и планы 1874—1879» под номером «3» (17, 14). Он связан со второй книгой первой части романа и представляет собою единственный след работы над главой VII «Семипарист-карьерист».

Первая строка наброска: «Столкнулись трое лбами» — в несколько измененном виде вложена в уста Ракинина, объясняющего Алеше, что в его семье «может столкновение произойти уголовное»: «Состукнулись

¹ «Ты богач» (франц.).

² Они воспроизведены в книге «Описание рукописей Достоевского» (М., 1957, с. 465) без разделения на выдержанные в автографе отдельные части и с неверным чтением последних слов: «40 «руб.» донесу» вместо «40 тысяч» донесу».

трое лбами, а ты, пожалуй, четвертый» (14, 74 и 75). Забыл ли Достоевский, что уже употребил это выражение, или он придавал ему особое, ключевое значение — неясно, но он еще раз ввел его в роман. На этот раз Митя, убеждая купца Самсонова дать ему три тысячи, говорит: «... тут трое состукнулись лбами...» (14, 335). Следы второй строки наброска («Да я и не думал думать») обнаруживаются в этой же главе, несколько выше, в разговоре Ракинина с Алешей о том же ожидающем семью преступлении («Что ты? Да неужто и ты уж думал? — вскричал он. — Я... я не то чтобы думал ∞ мне и показалось, что я про это сам думал» — 14, 73; ср. также: 15, 263: «Алеша»: Я и думать забыл»). И наконец, третья фраза — «Все это старал музыка» — буквально произнесена Ракининым на этих же страницах романа: «Все это, брат, старая музыка» (14, 74). К третьей части романа относятся еще два наброска, ошибочно включенные в тот же раздел «Наброски...» под номером «2» (см.: 17, 13).

Первый из них («Какова я собою, чтобы все устроилось») представляет собою часть мополога Грушевки, обращенного к Ракинину (глава III «Луковка» — 14, 322—323; ср. также: 15, 262). Второй («Поглядела на него и удивилась»³ — Я ведь только для того, чтоб не вышел скандал, так как это дело, так сказать, семейное») является одной из ранних разработок главы V «Вспешное решение» книги восьмой «Митя» и главы I «Начало карьеры чиновника Перхотана», открывающей книгу девятую «Предварительное следствие» (подробно о работе над этой главой см.: 15, 433). В этих главах мечущийся по городу Петр Ильич Перхотин боится «наделать» скандала и, размышляя об этом, врывается в дом купчихи Морозовой к Фене (14, 369, 401—402).

³ В 17-м томе ошибочно: «Поглядела на него с удивлением» (17, 13).